

УДК 26(47+57)

СОВЕТЫ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ КАК ПРОВОДНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ

Л.И. Сосковец

Томский политехнический университет

E-mail: regionoved@mail.ru

Анализируется деятельность Советов по делам Русской православной церкви и делам религиозных культов в период смены в конце 1950-х гг. политического курса советского государства в отношении религиозных организаций с относительно умеренного на крайне жесткий. Показаны основные направления работы Советов, связанные с установлением контроля над всеми сторонами жизнедеятельности религиозных объединений. Сделан вывод, что Советы были надежными помощниками коммунистической партии и советского государства в деле борьбы с религией.

Ключевые слова:

Антирелигиозная политика, конфессия, Совет по делам РПЦ, Совет по делам религиозных культов, религиозные организации, церковь.

Деятельность Совета по делам Русской православной церкви (далее – РПЦ) и Совета по делам религиозных культов нашла определенное освещение в современной исторической науке, в частности, в работах О. Васильевой, Т. Чумаченко, С. Гордуна, М. Одинцова, А. Горбатова и др. В публикациях указанных авторов эта проблема рассматривается в основном через призму анализа государственно-церковных отношений, при этом преимущественно характеризуется деятельность первого из них. Вместе с тем, несомненный интерес представляет более подробное изучение работы Совета по делам религиозных культов, а также выявление общего и особенного в деятельности этих двух весьма специфических институтов советской политической системы, что и предпринято в предложенной статье.

Одной из характерных черт существования и деятельности религиозных организаций в Советском Союзе было постоянное присутствие жесткого контроля за ними со стороны государства и мельчайшая регламентация всех сторон их жизни (в данном случае мы не рассматриваем периоды элементарного преследования и репрессий). Вплоть до 1938 г. политику в религиозной сфере формировала и осуществляла комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР, которую возглавлял П. Красиков. С образованием Верховного Совета СССР она была упразднена. С этого времени проблемами религии и церкви занимался «знаменитый» 13 отдел НКВД, исходивший в своей деятельности из официальной политической оценки религиозных организаций как противников социализма и советского строя, а духовенства – как явной или скрытой контрреволюционной силы.

Нормализация отношения с Русской православной церковью, начавшаяся в годы Великой Отечественной войны, поставила вопрос о необходимости создания специального органа, призванного осуществлять связь государства с Московской патриархией. Им стал Совет по делам Русской православной церкви, созданный постановлением Сове-

та Народных Комиссаров в августе 1943 г. (полное наименование его было «Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров»). Данным же решением был утвержден его председатель – Г. Карпов, выходец их спецслужб.

В Положении о Совете было записано, что он осуществляет связь между правительством СССР и Патриархом Московским по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения правительства СССР. На Совет возлагались следующие функции: предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых Патриархом и требовавших вмешательства правительства; разработка проектов законодательных актов и постановлений по проблемам церкви, а также инструкций и других указов по их применению, внесение их на рассмотрение СНК, наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории страны законов и постановлений, относящихся к РПЦ, своевременное информирование правительства СССР о состоянии РПЦ, ее положении, деятельности на местах; общий учет церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами. Для решения таких задач Совету предоставлялось право требовать от центральных и местных советских органов получения необходимых сведений и материалов по вопросам, связанным с РПЦ [1. Л. 3].

Для регулирования отношений государства с другими церквами и религиозными организациями в мае 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов, основной задачей которого определялось осуществление связи между правительством и руководителями религиозных объединений: армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской церковью, а также мусульманского, иудейского, буддистского и сектантских вероисповеданий по вопросам этих конфессий, требовавших вмешательства правительства. Положение о функциях данного Совета слово в слово повторяло Положение о Совете по

делам РПЦ, заменились только названия вероисповеданий. Председателем Совета по делам религиозных культов был назначен В. Полянский [2].

И тот, и другой Советы имели на местах своих уполномоченных, должность которых входила в номенклатуру должностей республиканских, краевых и областных советов депутатов и по статусу приравнивалась к заведующему отделом облисполкома.

Если верить букве «Положений» о Советах и их уполномоченных, то они должны были выполнять роль некоего нейтрально-промежуточного звена в отношениях между религиозными организациями и государственными органами, следить за правильностью применения и соблюдения законов обеими сторонами, а также выполнять консультативные, арбитражные и другие функции.

Но, как свидетельствует вся история существования этих институтов, ни о какой нейтральности ни Советов, ни их уполномоченных говорить не приходится. Одну из главных своих задач каждый из них видел в налаживании атеистической пропаганды, нередко выступая в качестве наиболее активных, последовательных и бескомпромиссных ее организаторов. «Совет не является органом пропаганды атеизма. Но помогать тем, кто ведет ее, может и должен. А неправильные действия Советов принесут вред делу атеистического воспитания населения», — отмечалось на одном из заседаний Совета по делам РПЦ [3]. Не случайно, поэтому, в каждом отчете уполномоченных имелись сведения о проделанной атеистической работе. В этом отношении они тесно контактировали с партийными организациями, редакциями газет, обществом «Знание», являлись членами различных Советов атеистов и т. д. Не было ни одного семинара атеистов, на котором бы не выступали уполномоченные. Они рассказывали борцам с религией о том, какие организации существовали в данной местности, давали рекомендации, как лучше работать по разоблачению религии, церкви, верующих.

Связь партийных органов с Советами и уполномоченными была самая тесная, и каждая из сторон была в ней заинтересована. Советы, например, требовали от уполномоченных высылать в Москву такую информацию: с кем из секретарей обкома уполномоченный встречался за отчетное время; по чьей инициативе встреча состоялась; какие вопросы на ней обсуждались; какие указания от обкома последовали; требовал ли ОК КПСС информационные отчеты; кто из работников партийного органа их просматривал; обсуждались ли вопросы о работе уполномоченных на бюро обкома и т. п. [4].

В целом, каждое постановление партийного комитета (любого уровня) неизменно рассматривалось Советом по делам РПЦ и Советом по делам религиозных культов как руководство к действию, а те, соответственно, требовали от уполномоченных решительных усилий по выполнению партпостановлений [5].

Помимо тесного контакта с местными партийными и советскими органами, представители Советов сотрудничали с органами МВД. По просьбам («наводке») уполномоченных милиция задерживала и выдворяла с подведомственной ей территории священнослужителей, которые действовали без специального разрешения. К помощи милиции прибегали, когда нужно было разогнать «незаконные сборища» незарегистрированных религиозных обществ, наложить на них штраф и т. д. Паспортные отделы МВД регулярно поставляли уполномоченным сведения о прописке не только религиозных активистов, но и рядовых верующих. Даже разрешение на изготовление штампов и печатей зарегистрированных обществ органы внутренних дел выдавали после соответствующей визы местного уполномоченного и по заверенному им эскизу [6. Л. 79].

Контактировали Советы и их уполномоченные и с органами госбезопасности, ведь многие религиозные активисты носили на себе ярлык антисоветчиков, врагов социализма и пособников реакционных кругов Запада и даже агентов их спецслужб. Достаточно напомнить, что первый председатель Совета по делам Русской православной церкви Г. Карпов, занимавший пост с 1943 по 1960 гг., был генерал-майором этого ведомства. Председатель Совета по делам религиозных культов В. Полянский тоже значительное время работал в органах НКВД, в том числе и в том отделе, который занимался деятельностью религиозных организаций.

По всей видимости, из органов госбезопасности Советы и уполномоченные получали все «оперативные» данные на того или иного служителя культа, в том числе, и, в первую очередь, такие сведения: привлекался ли к судебной ответственности, где, когда, по какой статье? Где, когда и какой срок сидел; находился ли во время войны на оккупированной территории, сотрудничал ли с оккупантами, не был ли участником националистических движений и т. п.? А сами уполномоченные, в свою очередь, тщательно следили за политическими настроениями верующих, особенно служителей культа, церковных иерархов, тщательно фиксировали их высказывания по поводу политики в религиозном вопросе, да и в других вопросах. Думается, такого рода сведения собирались не только по личной инициативе уполномоченных и оставались известными не только им. Например, при отчете уполномоченного по Омской области в Совете по делам РПЦ ему был задан и такой вопрос: «Много ли случаев снятия с регистрации или отказа в регистрации по личным соображениям или по просьбам других органов, как МГБ, МВД и т. д.» [7].

По распоряжению министерства финансов областные, городские и районные финансовые органы держали постоянные связи с уполномоченными Советов для систематического обоюдного обмена информацией о доходах, получаемых священниками, о количестве совершенных ими обрядов с целью проведения налогообложения. Если

какой-либо священник, по оценке фининспекторов, занижал показатели о доходах, это становилось известно уполномоченному и являлось весьма весомым аргументом для снятия этого служителя с регистрации.

Иначе говоря, Советы по делам РПЦ и религиозных культов были послушными проводниками политики партии и государства в так называемом религиозном вопросе в 1940–1950-е гг. Главную свою задачу они видели в установлении контроля за деятельностью официально зарегистрированных религиозных объединений, что в целом успешно достигали. Не менее успешной была их работа по всемерному ограничению сети религиозных объединений. Это обеспечивалось соответствующей тактикой обоих Советов при решении вопросов о регистрации организаций верующих. Известно, что подавляющее большинство заявлений групп верующих различных конфессий с просьбой официально признать их существование и разрешить легально действовать в рамках, определенных советским законодательством о религиозных культах, оставались нереализованными. В период с 1943 по 1948 гг., который специалистами рассматривается как самый либеральный в государственной политике в отношении церкви, Советы удовлетворяли (т. е. давали регистрацию) только каждое двадцатое заявление верующих, а после 1948 г. практически ни одна их организация не была зарегистрирована. Соответственно, все группы и объединения верующих, которые не имели официального разрешения на существование от Советов, объявлялись со всеми вытекающими для них последствиями: систематическим преследованием всеми органами и представителями государственной власти.

В работе обоих Советов в первое пятнадцатилетие их существования были как одинаковые черты, проистекавшие из общности целей и задач, ради которых они и создавались, так же были и специфические проявления в тактических установках, решениях и действиях. Последнее объяснялось, в том числе, и тем, что каждый Совет имел дело с разными церквями и конфессиями, имевшими разную историю в стране, по разному относившимися к советскому государству. Но очевидно, что и сама политическая линия, и тактические установки Советов в рассматриваемое время не являлись результатом их самостоятельных решений и понимания того, как нужно действовать в тех или иных ситуациях. Как уже отмечалось, Советы попросту выполняли те задачи, которые определяли для них правящая партия и советское государство в деле решения «религиозного вопроса». Они были простыми исполнителями и проводниками политики партии и государства, достаточно дисциплинированными, ответственными и усердными.

Тем не менее, к концу 1950-х гг. в партийно-государственном руководстве страны созрело решение о смене председателей Советов. Были освобождены от своих должностей председатель Совета

по делам Русской православной церкви Г. Карпов и председатель Совета по делам религиозных культов В. Полянский. Как оказалось, это не была просто смена руководства. Снятие с постов Г. Карпова и В. Полянского, людей, возглавлявших «ведомства» по делам церкви с момента их образования, означало смену линии в государственной политике с относительно либеральной на более жесткую и бескомпромиссную. Прежние руководители Советов как раз олицетворяли первую линию, хотя, по правде говоря, оба ведомства с первых дней своего существования никогда особенно и не шли на уступки религиозным обществам. Тем не менее, деятельность Советов и их председателей была оценена партийно-государственным руководством крайне негативно. Ради справедливости, стоит упомянуть, что М. Одинцов в своей работе довольно тепло пишет о Г. Карпове и считает, что к нему (в силу занимаемой им должности и того звания, которое он имел) сложилось предвзятое отношение. Одинцов же полагает, что и сам Г. Карпов, как председатель Совета по делам РПЦ, и возглавлявшийся им Совет в определенной мере пытались облегчить положение РПЦ. Карпов, например, писал о фактах произвола со стороны партийных и советских органов, о несоблюдении ими законодательства. Им ставились вопросы о демократизации законодательства о культах, государственно-церковных отношений [2. С. 19]. Но председатель Совета был заложником времени и ведомства, из которого вышел.

Пришедшие на смену старым (председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Карпова сменил В. Куроедов, председателя Совета по делам религиозных культов И. Полянского сменил В. Пузин) новые руководители Советов подвергли резкой, даже оголтелой, критике своих предшественников, что само по себе было некорректно. По своему содержанию и смыслу она была такой силы, что в 1920–1930-е гг. за подобные обвинения те, кого критиковали, не «сносили бы головы». Прежние руководители Советов были обвинены в том, что едва ли не они способствовали возрождению и активизации деятельности религиозных организаций, в «попустительстве» им, что «шли им навстречу и на поводу», что были слишком лояльны и не требовательны, тем самым способствовали удовлетворению растущих «аппетитов» церковных деятелей [8]. Понятно, что главные причины критики заключались не в действительных провалах в работе, а в том, что в целом менялись установки партийно-государственного руководства по отношению к религиозным организациям, духовенству и верующим, сложившиеся к концу войны и в первое послевоенное десятилетие.

Новые принципиальные установки в деятельности Советов были озвучены в докладе В. Пузина на совместном совещании обоих Советов и их уполномоченных, состоявшемся в феврале 1958 г. От доклада веет антицерковной дремучестью са-

мых агрессивных лет советской власти. Он не оставлял сомнения, что готовилось широкомасштабное наступление на церковь (и не в конце, а почти в самом начале 1958 г.). Продумано и охвачено для такого наступления было практически все. Пузин, например, выразил возмущение, что до сих пор в стране сохранялось слишком много не действовавших церковных зданий и других религиозных строений, которые одним своим видом служили делу религиозного воспитания. Слишком, дескать, многие из них были необоснованно внесены в списки памятников архитектуры, что эти списки нужно пересмотреть. Недопустимым он счел и то, что здания недействующих храмов сохранили церковный вид и «мозолили глаза», т. е. по сути, призвал к новому варварству: ломайте кресты, крушите купола. «Неужели, — недоумевал новый председатель Совета по делам религиозных культов, — за 20–30–40 лет не было удобного случая, чтобы избавиться от этого зрелища?» [8].

Наступление на религию, церковь, верующих отнюдь не ограничилось только словесной риторикой, а ознаменовалось целым рядом конкретных мероприятий. Словесная же шелуха была призвана оправдать в глазах советской, да и международной общественности яростные действия против церквей всех конфессий. 16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял два постановления «О свечном налоге» и «О монастырях в СССР». Вместе с письмом и постановлением Секретариата ЦК КПСС и другими документами они означали изменение политики по отношению к религиозным организациям из вялотекущей борьбы в почти тотальное наступление на них, в первую очередь, на РПЦ.

Вернулся и зазвучал с новой силой тезис о политической неблагонадежности служителей культа. Например, третий раздел доклада В. Куроедова, председателя Совета по делам РПЦ, с которым он выступил на Всесоюзном Совещании уполномоченных (1960 г.), был озаглавлен так: «Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства». В нем следовало «объяснение», почему «отдельные группы духовенства стали допускать враждебные выпады», и в чем это выражалось. Оказалось, что духовенство, якобы, распространяло всякие небылицы о жизни людей в советской стране, об отношении государства к религии и церкви. «Государство не допустит, — грозно предупреждал Куроедов, — чтобы некоторые служители использовали амвоны церковью для клеветы на государство». Он призвал уполномоченных тщательно заняться изучением содержания церковных проповедей. «В стране более десяти тысяч священников, они читают сотни тысяч проповедей, и в них вы можете найти сколько угодно замаскированных выпадов против нашей действительности» [9. Л. 39]. Итак, председатель Совета призывал к «охоте на ведьм» и давал добро своим заместителям в областях отслеживать и пресекать

каждого священника, если он позволит хоть слово критики в адрес советской действительности.

Еще более непримиримым и откровенным был председатель Совета по делам религиозных культов В. Пузин. «Когда мы говорим о политической позиции духовенства в наши дни, не следует забывать и того, что не все духовенство лояльно относится к Советскому государству, — заявил он — Среди служителей церкви, особенно католической, немало еще двуличных людей... Многие из них на словах проявляют лояльность ..., а на деле ведут против нас политическую войну, вредят делу коммунистического строительства» [1. Л. 19]. Такого рода высказывания — это призывы к погрому религиозных организаций и преследованию священнослужителей. В этом же выступлении председатель Совета по делам религиозных культов припомнил, что было много служителей, которые во время войны сотрудничали с гитлеровцами, что церковь об этом не любит вспоминать, но «мы ... молчать не будем». Кроме того, В. Пузин долго возмущался тем, что некоторых представителей духовенства в свое время награждали правительственными наградами, и пообещал, что такого больше не будет [11].

В январе 1960 г. ЦК КПСС принял очередное постановление по религиозному вопросу — «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о культах» [10. С. 60]. В нем была проанализирована деятельность Советов по делам РПЦ и по делам религиозных культов за 16 лет их существования. Из текста постановления получилось, что едва ли не Советы, Г. Карпов и В. Полянский лично оказались виноваты в том, что повсеместно и массово духовенство, верующие нарушали советское законодательство о религиозных культах. Г. Карпову и В. Полянскому припомнили все их попытки быть объективными в рассмотрении ходатайств и просьб религиозных организаций. Было заявлено, что такого попустительства и либерализма со стороны государственных органов — Советов впредь допускаться не будет [12].

Таким образом, ЦК КПСС еще раз подтвердил, что та жесткая политическая линия в отношении религии и церкви, которая возобладала с новой силой с 1958 г., будет и впредь основной, если не единственной в деятельности государства.

В целом же, работа с духовенством всегда была особой заботой Советов и их уполномоченных. В организационном плане она означала тщательный учет и контроль за кадрами священнослужителей. Известно, что ни один из них не мог приступить к своей деятельности без специальной регистрации у уполномоченного, хотя официально назначение на приход он получал от правящего архиерея или от руководящего центра данной конфессии. Очевидно прослеживается в деятельности уполномоченных то, что они под разными предлогами или без оных отказывали в регистрации наиболее подготовленным, опытным священникам.

Под особо пристальным контролем находились религиозные активисты или, как определяли их Советы, «фанатики и экстремисты». Задачей номер один являлось вытеснение активистов, истово верующих из исполнительных органов религиозных объединений, а вместо них вводить туда тех, через кого можно было бы проводить мероприятия в интересах государства.

Не вызывает дискуссий утвердившееся мнение, что Советы почти полностью контролировали формирование епископата и состава старших пресвитеров зарегистрированных религиозных конфессий. В кадровом вопросе (имеются в виду кадры духовенства) Советы проводили политику, которая в первую очередь отвечала интересам государства. Она включала в себя: 1) сдерживание и недопущение хиротонии новых епископов из числа тех священнослужителей, которые вызывали сомнение в их надежности; 2) сдерживание «воспроизводства» новых священников путем «аргументированного» отвода новых кандидатов; 3) влияние в интересах государства на расстановку кадров архиереев на соответствующие кафедры; 4) ограничение набора слушателей в духовные академии и семинарии контрольными цифрами приема на первый курс, воздействие на сам подбор состава их слушателей; 5) удаление и полное отстранение от церковной деятельности тех служителей культа, которые не удовлетворяли Советы, тех, кого они рассматривали как персон «нон грата» для советского государства [13. Л. 29].

При такой постановке дел Совету по делам РПЦ и Совету по делам религиозных культов не трудно было добиваться от церковных руководителей нужного поведения и нужных решений.

Помимо «кадрового» вопроса серьезную озабоченность Советов и уполномоченных вызывало состояние финансовой базы православных церквей и других религиозных организаций, поэтому задача сокращения их доходов была одной из приоритетных в деятельности уполномоченных.

Советы ставили перед уполномоченными задачу изыскивать различные возможности влиять на уменьшение доходов и расходов церквей, всегда держать этот вопрос под контролем. Причем рекомендовалось осуществлять это не кампанейски, а тщательно прорабатывать. Что предлагалось? Всячески подталкивать к «добровольному» увеличению отчислений в Фонд мира, в Фонд охраны памятников истории и культуры. Не воспрещалось и прямое давление: стараться не допускать оплату ревизионных комиссий, сдерживать расширение платного состава исполнительных органов религиозных обществ, обслуживающего персонала и хористов. Для усиления контроля за получением средств с 1963 г. была введена квитанционная система регистрации обрядов.

В качестве важнейшей контролирующей обязанности уполномоченных было недопущение об-

щественно-благотворительной деятельности религиозных организаций, что, собственно, запрещалось и действовавшим тогда законодательством.

Попытки религиозных организаций принять хоть какое-нибудь участие в общезначимых благотворительных акциях сильно раздражали власть. В. Пузин в выступлении 1958 г. заявил по этому поводу: «Факты сбора средств то алжирскому, то корейскому народу, то в Фонд мира следует рассматривать не как проявление патриотизма, а как обмен верующих духовенством, которое использует патристические чувства верующих в целях своего личного обогащения» [9. Л. 14, 16].

Особое недовольство вызвала получившая широкое распространение практика оказания денежной помощи нуждавшимся верующим-общинникам, помощь в строительстве жилья, ухода за больными и престарелыми, в домашней работе многодетным женщинам, подарки молодоженам, именинникам. Во всем этом виделся исключительно подвох, потому как, якобы, вся эта помощь шла не от чистого сердца, а исключительно для того, чтобы возвысить среди населения авторитет веры.

Желая полностью исключить верующих и религиозные организации из общественного процесса, Совет по делам религиозных культов в 1958 г. разослал инструкцию, в которой не рекомендовал проводить среди верующих сбор пожертвований в Фонд мира. Как уклончиво отмечалось в этом предписании, верующие могли вносить пожертвования в этот Фонд, но специальных сборов проводить не следовало. Совет отменял в этой связи как неправильный следующий пункт инструкции для уполномоченных: «Сбор пожертвований также может производиться на цели, связанные с патриотической деятельностью религиозных обществ» [6. Л. 112]. Таким образом, делалось все, чтобы отсечь верующих и религиозные организации от общественно-полезной деятельности, поставить их вне общества.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. работы у уполномоченных заметно прибавилось, так как они должны были нести основную нагрузку по выполнению мероприятий, направленных на ограничение религиозной сети. С 1960 г. началась целенаправленная работа уполномоченных на местах по закрытию отдельных приходов РПЦ. Схема их действий во всех областях была примерно одинаковой. Первоначально выбиралась «жертва», т. е. намечалась церковь, которую следовало закрыть. Далее готовились аргументы, призванные убедить верующих в целесообразности этого, причем количество таких аргументов было весьма ограничено. В первую очередь к закрытию намечались сельские приходы. В качестве основных причин их ликвидации обычно назывались: малочисленность прихожан и экономическая маломощность, частая смена, а то и долгое отсутствие на приходе священника. Такая церковь получала название «затухающая», а уполномоченный всевозможными способами настаивал

вал перед правящим архиереем о необходимости ее закрытия [14]. Таким образом, за 8 лет – с 1960 по 1968 г. – по стране было ликвидировано, снято с регистрации 5588 православных церквей или 43 % от имевшихся к началу указанного периода.

Так же значительно сократилось количество легально действовавших религиозных общин всех других конфессий, которые формально были признаны в СССР. За эти же восемь лет было снято с учета 69 католических костелов (на начало периода их было 1179), 112 лютеранских храмов (было 633), 7 синагог (было 97), закрыто 28 монастырей, несколько духовных учебных заведений [13. Л. 9–10].

Анализ всего вышеизложенного позволяет еще раз сделать вывод, что Советы по делам РПЦ и делам религиозных культов, их уполномоченные были теми официальными институтами государства, которые осуществляли тотальный контроль за религиозными организациями, их руководителями, просто верующими и оказывали на них постоянное давление.

Полагаем необходимым обратить внимание на следующее. В истории России государство всегда активно вмешивалось в вопросы веры, религии, в церковные дела. Это так. Но ни в коем случае не стоит отождествлять практику контроля над церковью со стороны самодержавного и советского государства. Такой контроль осуществлялся на совершенно разных идеологических принципах. Равно, как нельзя полностью сравнивать деятельность обер-прокурора Синода и Совета по делам религий. Хотя основания для такого сравнения, безусловно, есть. С. Гордун, например, полагал, что функции дореволюционного Синода и послевоенного Совета некоторым образом были схожи. И тот, и другой институт поистине были «оком государевым». Но он же совершенно справедливо от-

метил наличие количественной и качественной разницы между ними. Если прежний обер-прокурор, будучи государственным чиновником, представлял государство, покровительствовавшее церкви и признававшее церковную идеологию господствующей, сам был членом церкви, то советский орган власти был сформирован из лиц, представлявших идеологию воинствующего безбожия. Кроме того, если до революции на всю русскую церковь был один обер-прокурор, то в послевоенные годы «око государево» в лице уполномоченных Совета появилось в каждой области, а в Москве со временем вырос многочисленный аппарат, разместившийся в двух зданиях [15. С. 87]. А ведь был еще Совет по делам религиозных культов.

Мы уже отмечали, что методы и характер работы обоих Советов были идентичны не только по Положениям, но и в реальной жизни. Практика их работы в 1940–1960-е гг. показала, что государству целесообразно было сосредоточить вопросы контроля над деятельностью религиозных организаций всех конфессий в одних руках, иметь один объединенный орган. В декабре 1965 г. Совет Министров СССР принял постановление «О преобразовании Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР». В мае 1966 г. было утверждено новое Положение о Совете, которое обнародовало те же самые принципы, по которым действовали два его предшественника. Это означало, что до времени его упразднения в 1990 г. Совет был органом тотального контроля государства за церковью, религиозными организациями, верующими.

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 07-01-00385 а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦХАФАК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 180.
2. Одинцов М.И. Религиозные организации накануне и в годы Великой отечественной войны. – М.: РАГС, 1995. – 133 с.
3. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3273. Л. 12, 14.
4. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
5. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). Ф. 964. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
6. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 9. Л. 79.
7. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
8. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.
9. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 47. Л. 35.
10. О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о культах». Постановление ЦК КПСС от 13.01. 1960 г. // Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия) // Отечественные архивы. – 1994. – № 5. – С. 43–67.
11. ЦХАФАК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 199. Л. 29.
12. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 236. Л. 5.
13. Гордун С. Русская православная церковь при Святейших Патриархах Сергии и Алексии // Вестник РХСД. – 1990. – № 158. – С. 78–129.

Поступила в печать 09.06.2008 г.